

МОТИВ ПИЩИ В ПУБЛИЦИСТИКЕ XI–XVI вв.: ЕДА ГЛАЗАМИ ЖИТЕЛЕЙ ДРЕВНЕЙ РУСИ И ГОСТЕЙ-ИНОСТРАНЦЕВ

В статье анализируется функция мотива пищи в публицистике XI–XVI вв. Традиции быта передаются из поколения в поколение, и описание особенностей устройства дома в древнерусских текстах имеет целью заставить читателя действовать определенным образом – таким, какой предлагают авторы. Произведения, авторами которых являлись представители духовенства, поддерживали дисциплину в обществе Древней Руси на уровне быта.

Ключевые слова: публицистика, Древняя Русь, пища, Киево-Печерский патерик, С. Герберштейн.

Культура Древней Руси, разумеется, не знала журналистики, но значение публицистики тогда было не меньшим, чем в Новое время, а, пожалуй, даже большим. Любой жанр древней литературы, будь то историческая повесть или сказание, житие или церковная проповедь, как правило, включает в себя значительные элементы публицистики. Соответственно, пища в древнерусской культуре, ее приготовление и потребление – это не только физиология или быт, но точка пристального общественного внимания, важная составляющая религиозного культа и тема ожесточенных споров. Специфика древнерусской литературы и культуры определяется доминированием религиозных ценностей, а пища и религия – звенья одной цепи. Управлять большинством, теми, кто не способен анализировать свое положение в обществе, осознать социально-политическую обстановку или понять смысл религиозного культа, значительно легче, чем «думающей» частью. Потому принципы веры проще передавать и усваивать на уровне бытовом – например, кулинарном.

Традиции быта передавались из поколения в поколение. Запреты, предписываемые христианством в области питания, усложняли жизнь человека на протяжении многих веков: необходимость учитывать особенности обеденного стола отнимала немало времени. А, например, у крестьянина, чья ежедневная работа была физически тяжела, прибавилась новая забота: следить за питанием, соблюдать пост (что в значительной степени подрывало и без того скромный список потребляемых продуктов, их количество). Таким образом, изнуренный физическими нагрузками и недоеданием, крестьянин не мог думать ни о чем, кроме повседневной работы и исполнения ритуала, предусмотренного христианством.

Начиная с XI в. в Западной Европе стали делить стол для бедных и богатых почти официально. Чтобы утешить крестьян и малообеспеченных горожан, придумывали медицинские оправдания: грубые желудки бедняков просто не переварят ничего изысканного¹. В древнерусской традиции дела обстояли иначе. Советчиком выступала не медицина, а церковь. А она, как известно, уравнивает в пищевых правах каждого. И кажется, что все едят одинаково, а разница – лишь в количестве. Примечательно, что у европейцев в период раннего Средневековья ситуация была такая: стол разнообразный, но в целом одинаковый у представителей всех слоев общества. При этом, разумеется, кто-то ел больше, кто-то – меньше. В древнерусском обществе (начиная с X в.) все, кроме «отцов духовных» и высшей знати, питались мало и скудно.

О том, как был устроен быт представителей церкви, узнаем из «Киево-Печерского Патерика» (XIII в.). Феодосий Печерский – один из основателей Киево-Печерского монастыря – был близок к киевскому князю и к верхам киевского общества, а это отражалось и на быте всего монастыря. В «Патерике» зафиксировано, что сам монастырь был крепко связан с дружинной средой, неудержимо обрастал селами и пользовался натуральными даяниями богатых людей. В том видели даже перст Божий, когда в трудную минуту к воротам монастыря подъезжало три, а то и пять возов всяческого продовольствия и вина: то от боярина, а то и с княжеской дворцовой кладовой. Авторитет церкви в среде, где оставались сильные дохристианские верования и традиции, изначально подкреплялся обширными земельными владениями. Это уравнивало церковь в правах с представителями высших слоев общества. Тем самым принимались меры и к тому, чтобы церковные иерархи не попадали в зависимость от произвола местных князей и бояр.

Феодосий поддерживал веру в то, что завтрашний день сам о себе позаботится. Поэтому ввел для келаря Феодора негласное

правило: что есть в печи, то на стол мечи. В «Патерике» сохранились свидетельства своенравности, мятежного духа келаря Феодора. В день святого Димитрия Феодосий собрался с частью братии в Дмитриев монастырь, а тут как раз привезли «от неких» Феодосию хлебы «зело чисты». Феодосий приказал подать их оставшейся дома братии, а келарь припрятал их до следующего дня, чтобы предложить их, когда соберутся все иноки. Феодосий покарал это самоуправство келаря епитимьей и пояснил, что дело здесь не только в послушании, но и в правилах о завтрашнем дне². В первую неделю Великого поста постились строго. Но Феодосий, будучи лояльным в вопросе питания братии, в пятницу этой недели предлагал хлебы «чисты зело» и, кроме того, хлебы «с медом и с маком». Как-то по его смерти у келаря (по лживому его заявлению) не оказалось нужной муки в этот день: и вдруг «откуда же бе, не начаатися», но привезли в монастырь целый воз таких хлебов. Зато когда через два дня послушник распорядился испечь такие же хлебы, то во вскипяченной для них воде оказалась жаба, и хлебы вышли «оскверненные» этим «гадом». Это все за послушание³.

Приведенные эпизоды «Патерика» показывают, что «отцов духовных» можно отнести к группе тех, кому удавалось кормиться лучше многих. Поддержка князя, работа холопов в селах при монастырях поддерживали веру братии в завтрашний день. Примечательно, что «Заповеди митрополита Георгия» (ок. 1062) еще за два столетия до появления записей «Патерика» содержали запрет охотиться попам, из чего можно сделать вывод, что таковые прецеденты случались. Следовательно, представители церкви с самого начала принятия христианства на Руси жили в продовольственном достатке.

Но особый вопрос: как иноземцы воспринимали кулинарные правила членов древнерусского общества? Как освещается тема пищи в сочинениях иностранцев о средневековой Руси? Так, посол императора Максимилиана к великому князю Василию III Сигизмунд Герберштейн бывал в Москве дважды: в 1517 и 1526 гг. Василий III симпатизирует ему и на прощание дарит шубу: «Сохранился забавный старинный рисунок, на котором художавый и долговязый барон Герберштейн облачен в огромную, как перина, русскую шубу»⁴. Сигизмунд Герберштейн – автор книги «Записки о Московии». В ней он делится впечатлениями о Руси. В частности, рассказывая о праздниках, он отмечает: «Именитые мужи чтут праздничные дни тем, что по окончании богослужения устраивают пиршество и пьянство и облакаются в более нарядное одеяние, а простой народ, слуги и рабы по большей части, работают, говоря,

что праздничать и воздерживаться от работы – дело господское»⁵. Горожане и ремесленники бывают у обедни, но после возвращаются к работе, не тратя время на развлечения, ведь простому человеку нельзя пить пиво и мед, «но все же им позволено пить в некоторые [особо торжественные] дни, как например, Рождество Господне, праздник Пасхи, Пятидесятница и некоторые другие, в которые они воздерживаются от работы, конечно, не из набожности, а, скорее, для пьянства»⁶.

Об алкогольных напитках на Руси и пьянстве иностранцы говорили и раньше. Например, Контарини, знатный венецианец, побывавший на Руси в 1477 г., пишет: «...варят напиток из меда с хмелем; напиток этот очень недурен, в особенности, когда он стар»⁷. Если наблюдения иностранцев, посетивших Московскую Русь XVI–XVII вв., повествуют о «страшном разгуле» русских, их неотесанности и спаивании гостей как проявлении высшего гостеприимства, то записи до XVI в. еще не фиксируют «рабства у пьянства».

Русские, судя по описанию Герберштейна, почти не едят. Он пишет: «В Четыредесятницу они постятся семь недель подряд. В первую (неделю), которая у них называется Сугна, т. е. “сырная”, они едят молочное; в последующие же недели все они, кроме путешествующих, воздерживаются даже от рыбы. Некоторые принимают пищу только по воскресеньям и субботам, а в остальные дни воздерживаются от всякой пищи. Некоторые же принимают пищу по воскресеньям, а в остальные дни воздерживаются от всякой пищи. Некоторые же принимают пищу по воскресеньям, вторникам, четвергам и субботам, а воздерживаются три дня. Есть очень много таких, которые в понедельник, среду и пятницу довольствуются куском хлеба с водой»⁸.

Монахи тоже соблюдают посты, но более трудные: «...им приходится довольствоваться квасом, т. е. кислым питьем и водой, смешанной с закваскою»⁹. В Великий пост священникам запрещаются медовая вода и пиво. Но тут Герберштейн замечает: «Хотя теперь все законы и уставы все более приходят в небрежение и нарушаются. [Вне поста] они вкушают мясо в субботу, а в среду воздерживаются»¹⁰. Не в первый раз, судя по древнерусским текстам, отцы духовные заботятся о себе.

Сигизмунд Герберштейн фиксирует полномочия епископа в разделе «О десятинах». Епископ должен наказывать содомитов, тех, кто грабит могилы, и тех, кто «приведет в святой храм собаку, птицу или другое какое нечистое животное или станет употреблять его в пищу»¹¹. Примечательно, что нечистым считается любое жи-

вотное, задушенное женщиной. Если хозяйке нужно, например, зарезать курицу в отсутствие мужа и рабов, она выходит за ворота, «держит курицу или другое животное и нож, и усердно просит прохожих мужчин, чтобы те зарезали животное»¹². Выходит, труд раба чист, а труд женщины – нет. Мужья, по словам дипломата, вообще не доверяют женам: «Заклученные дома, они только прядут и сучат нитки, [не имея совершенно никакого голоса и участия в хозяйстве]. <...> Весьма редко допускают женщин в храмы, еще реже – на беседы с друзьями, и только в том случае, если эти друзья – совершенные старики и свободны от всякого подозрения»¹³.

Герберштейн поражается тому, насколько маленькое жалование у воинов князя. Его восхищает их бережливость и воздержанность в пище. Рацион воина: «Это прежде всего толченое просо в мешке длиной в две-три пяди, потом восемь-десять фунтов соленой свинины; то есть у него в мешке соль, притом, если он богат, смешанная с перцем. <...> И если он случайно попадет туда, где не найти ни плодов, ни чеснока, ни луку, ни дичи, то разводит огонь, наполняет чан водой, бросает в него полную ложку проса, добавляет соли и варит; довольствуясь такой пищей, живут и господин, и рабы. [Впрочем, если господин слишком уж проголодается, то истребляет все это сам, так что рабы имеют, таким образом, иногда отличный случай попоститься два или три дня]»¹⁴.

Таким образом, давление на человека в древнерусском обществе оказывалось со всех сторон – церковные рекомендации и увещания книжников осуществляли функционирование пищевых запретов. Изображение особенностей быта в древнерусской литературе и в иностранной «Россике» носит, соответственно, не только бытово-описательный, но также идеологический – публицистический – характер.

Примечания

¹ *Монтанари М.* Голод и изобилие: История питания в Европе. СПб.: Александрия, 2009. С. 40.

² Древнерусские патерики: Киево-Печерский патерик. Волоколамский патерик. М.: Наука, 1999. С. 161–162.

³ Там же. С. 161–163.

⁴ *Борисов Н.С.* Повседневная жизнь средневековой Руси накануне конца света. М.: Молодая гвардия, 2004. С. 87.

- ⁵ *Герберштейн С.* Записки о Московии: В 2 т. / Ред. А.Л. Хорошевич. М.: Памятники ист. мысли, 2008. Т. 1. С. 205.
- ⁶ Там же. С. 206.
- ⁷ Цит. по: *Колесов В.В.* Древняя Русь: наследие в слове. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2004. С. 265.
- ⁸ *Герберштейн С.* Указ. соч. Т. 1. С. 211.
- ⁹ Там же. С. 205.
- ¹⁰ Там же. С. 211.
- ¹¹ Там же. С. 227.
- ¹² Там же. С. 237.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Там же. С. 249.